

2

Кубанский Курьер

Четверг 3-го Июля 1914 года.

№ 1683

З а м ъ т к и.

Десять лѣтъ, прошедшихъ со шли что сказать въ его оправданіе. Хотя о душѣ Чехова, тоскующей
мерти Чехова, не только не отвѣтили отъ насъ образъ покойнаго, предсмертною тоскою, все такъ же
но наоборотъ, приблизили. За это мало и мимоходомъ...

Чеховъ не былъ натурой дѣйственной, активной, волевою. Объ этомъ, если читателя припомнить, я писалъ уже неоднократно. Онъ не былъ также страстенъ. Все это, въ связи съ процессомъ обмирания, вело къ созерцательно-эстетическому міроотношению. Дѣйственное всегда ваходится въ большемъ или меньшемъ противорѣчіи съ эстетическимъ. У Тургенева, съ которымъ у Чехова было много точекъ соприкосновенія, — гораздо больше, чѣмъ съ Достоевскимъ или Толстымъ, — очень ясно проведена эта параллель дѣйствія, всегда физіологического и материалистического, и бездѣйственнаго эстетического устремленія. Остродумовъ въ „Новѣ“, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ революціонеровъ, носилъ грубые сапоги, подбитые гвоздями, — Неждановъ, наименѣе дѣйствен-

Когда Чеховъ умеръ, когда оглянулись на жизнь его и на дѣятельность, то вдругъ стало какъ то ясно, что Чеховъ былъ очень несчастный человѣкъ. Надломленный цвѣтъ, наивное дитя, умное, талантливое, необычайно интересное, но съ какимъ то органическимъ недугомъ, отчего глаза свѣтились еще глубже и лицо было обвѣяно еще большей грустью. И становилось досадно, что вотъ этого, главнаго, не примѣтили — что онъ «не жилецъ» былъ на этомъ свѣтѣ, давно уже не жилецъ, и что колоди его зра — почему, моль, не держится прямо, не кричитъ во всю глотку «да здравствуетъ свобода!» или «да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день» — тогда какъ ничего этого онъ не могъ, ибо былъ не жилецъ среди насъ, а особенный, тихій, несчастный и страдающій, но старавшійся объ этомъ не подавать виду.

— Чеховъ, наименѣе единствен-
ный, писалъ стихи. Павелъ Кирсановъ вѣрилъ въ «прѣиспы» и любилъ поэтовъ. Базаровъ рѣзалъ лягушекъ и смѣялся надъ Пушкинымъ. Чеховъ ближе по своей натурѣ къ первымъ. Чеховъ не горѣлъ въ огнѣ неугасаемой страсти, но вся душа его была въ ровной, безграничной, тахой, какъ степь, красотѣ. Какъ истинный пессимистъ — а Чеховъ былъ пессимистомъ чистой воды — онъ зналъ радости и цѣли только отрицательныя, негативныя. Хочу, чтобы жизнь была красива; хочу, чтобы жизнь была изящна; хочу, чтобы въ Москвѣ не было кривыхъ улицъ. И все мечтаютъ о томъ, что когданибудь „жизнь будетъ невообразимо прекрасна“, что „жизнь превратится въ цветущій садъ“, и будетъ «необыкновенно легка и удобна». И Чеховъ страдаетъ, главнымъ образомъ, не отъ аморальности жизни, а отъ ея пошлости и грубости;

Потомъ старались наверстывать. И Боже мой, какъ старались! Не только Чехову простили, затѣмъ не требовались! Не только Чехову простили, затѣмъ не требовалъ восьмнадцати часоваго рабочаго дня, но даже на зѣ Чехова. Почему—тоскуетъ Ива

яркихъ красокъ и зву-
го исчезли лѣса и лебе-
аетъ Астровъ. Что такое
нелезность? экономическое
віе? соціалогическая сара-
любовь къ человѣчеству?
віе, культура, справедли-
ть лебедь — это «изящное»,
ческое начало, въ кото-
зоряются страданія, кото-
ласковымъ зефиромъ, сду-
ть пошлости и мѣщан-

страдаетъ отъ жизни, по
ея физіология грува, ба
зопорна. Она эстетически
на. Романъ Астрова и про
въ „Дядѣ Ванѣ“ очарова
ненно этимъ стыдомъ за
). Стыдъ предъ физіологію,
вы и соображенія этики
удерживаютъ Астрова и
дреевну. Астровъ какъ то
намекнуть на поэтическія
во вкусѣ Тургенева,
хорошо бы удалиться, но
саетъ. Чрезвычайно быстро,
акнувшись на препятствіе,
отстраняется. Среди мно

никто не знаетъ и не скаже
чесъ тутъ красота... Я взгл
въ лицо девушки, и вдругъ
ствовалъ, что точно вѣтеръ
жалъ по моей душѣ и сдуни
въ всѣ впечатлѣнія для си
скукой и пылью». Красота д
сдунуть «пыль» повседневнос
красотѣ мечтаешь, потому ч
часть некрасиво... Такъ меч
мучимый жаждой о водѣ. Э
есть исповѣданіе догмата. Э
религія красоты, а страдані
красотѣ, оскорбляемой грубо
стью и главнымъ образомъ,
зіологіей. Красота у Чехова
ственная свѣтотѣнь жизни. К
какова бы она ни была. К

остей, которыми Художест
театръ наградилъ Чехова,
ріятная для меня грубость
зіологическая эротика г.
скаго въ сценѣ съ профес
Такъ извратить Чехова и
ческое міроотношеніе со
непростительно. Чеховское
—результатъ его стремле
«изящному», къ «невообра
красному». Когда физіо
ни не кричитъ голосомъ
, не окрашена темпера
и не воспламенена без
омъ страсти она ужасна
иествъ своеи, въ неиз
своей пошлости. Она въ
тогда вызвать „припа
къ у того студента изъ
Чехова, который похвалилъ
терпимости. Когда неѣть
и разстроены физіологиче
ессы—подумайте, сколько
и пошлого въ процессѣ

какова бы она ни была. К
какъ смутный идеалъ, какъ
вигельная дробь повседнев
Въ разсказѣ „Вѣдьма“ нек
му, противному дѣячу проп
лагается дѣячиха, полная, кра
здоровая, и почтальонъ вы
блокурый и стройный, которы
несло метедью въ избу... И в
жестокости, съ какою Чеховъ
ится къ дѣячу, вы ясно чу
ете ненависть къ некрасивому
что оно некрасиво—а больше
туть никакой вины—и очар
красивымъ за то, что оно кра
и потому имѣть право угнета
красивое и издѣваться надъ н

Право душевной красоты—
право Вершинина. Безправіе
сиваго—это судьба Кулыгина,
шаго себѣ усы и ставшаго ем
льше некрасивымъ. Кулыгинъ—
шій человѣкъ, но онъ некрасивъ
потому обреченъ. И баронъ
шій человѣкъ, но некрасивъ,

пищеваренія! Какъ нево- же обречень. И рѣшительно не, будеть ли однимъ бар- тажено чувствовать огром- больше или меньше. У сѣра- о, занимающее половину ! Что долженъ испыты- обыденнаго нѣть морального въ, обнимая міръ и слож- на существованіе, какова бы въства его, находясь въ ла эта сѣрость и обыденность

отда ти бы высоко-добрѣтельная и вы-
соко-порядочная, какъ у барона.
Не жалко!

Жизнь, лишенная радости победы и опьянения борьбы,—а такова была жизнь Чехова, надломленного и увидающего, но говоря уже о свойствах его темперамента—неизбежно ведет к философско-эстетической замкнутости, к мечтъ о красотѣ. Праздность, увы, основа эстетического восприятия мира. И любопытно, съ нашей точки зрѣнія, отмѣтить, что Чеховъ всегда писалъ о «тягости» работы, о томъ, что какъ де хорошо было бы не писать—чудесно!—да вотъ нужно! Работа, трудъ—это физиология. Отдыхъ—это эстетика. И когда Софья говоритъ, что «мы отдохнемъ», она рисуетъ небо въ алмазахъ и поющихъ ангеловъ. Когда Раневская думаетъ объ отдыхѣ отъ своей жизни,—опять: «о, мое детство, чисто моя! О, садъ мой! Опять ты моей подъ, полонъ счастія, ангелы небеса этого то и не ные не покинули тебя!» И Верши проходитъ,—принъ, какъ объ отдыхѣ, мечтаетъ о глубокую тоску жизни черезъ триста четыреста лѣтъ ни можно понять—жизни, спасообразно прояснила она плоды

— жизни «невообразимо прекрасной».

У Чехова не было религиозного міросозерцання — въ этомъ онъ сознавался неоднократно. Не было точныхъ общественныхъ идеаловъ — и въ этомъ онъ сознавался. Онъ былъ, быть можетъ, несчастенъ сознаниемъ того, что лишенъ этихъ благъ, но это такъ. «Почему вы любите такъ колокольный звонъ?» — спросилъ его А. Л. Вишневскій. «Это единственное, что у меня осталось отъ религіи» — отвѣтилъ онъ. Онъ не былъ равнодушенъ — ибо равнодушіе предполагаетъ сознательность — ни къ вопросамъ религіи, ни къ идеаламъ общественности. Онъ могъ радоваться, что „скоро у насъ будетъ конституція“ (воспоминанія А. И. Куприна). Но разъ возможно этими фактами и утверждениями возражать противъ того, что у Чехова не было вѣры? У насъ разсуждаютъ какъ то странно. Вотъ подорѣка, различается — это бѣ

Вотъ человѣкъ радуется, что будто конституція или работает для обучения народа грамотѣ—значитъ, на лицо идеалы общественности. Но тонкая, воспитанная, живая натура, вѣдь, не можетъ быть безчувствен- крывающа роковую комъ концѣ. «Души!» Новая форма роны, какъ плены изящества. По из- Чехова. Мы не можемъ

и въ одной облаки ливы — это ясно. Мы не можемъ быть радостны — ибо отъ религіи остался „колокольный звонъ“; мы не можемъ быть бодры и жизнерадѣйтельны — потому что не знаемъ, где истина и въ чёмъ истина. Но мы можемъ быть изящны, все болѣе и болѣе изящны. Мы физиологичны — какая гадость! — по необходимости. Но создадемъ и здесь изящество. Пропала жизнь, — но жива поэзія. Подло пропала жизнь, но небо сверкаетъ алмазами.

Петя Трофимовъ — прекрасный юноша, во онъ неизященъ. Отъ того, что онъ неизященъ, и что борода у него растетъ, какъ перья, и что у него нескладный кадоши, въ которыхъ онъ ступаетъ даже по комнатамъ, онъ вызываетъ улыбку. Онъ — хороший человѣкъ. И Евхардовъ — хороший человѣкъ. И Лопахинъ — смѣлый человѣкъ. Но все они неизящны. А никому не нужный, утилитарно недѣлпый „Ваше вѣй садъ“, гдѣ живутъ совершенно непригодные уже осужденные люди — изященъ. На немъ почтеть благодать эстетического отдыха въ углѣшніи. Голубиная чистота и перья вмѣсто бороды — почему это такъ часто встрѣчается? Почему появляется чувство эстетической брезгливиости, когда люди дѣятельно бодро и увѣренно мѣсять жизнь? Почему такъ много грустной поэзіи на деревьяхъ старого сада? И отчего рай земной есть область ничегоне

го проповѣдника, какъ тѣмъ отвращеніе земли и скверны ея эстетику въ эстетическое воспитаніе Чеховъ, вообще, не проповѣдалъ. Но, весь во власти своей тоски ненообразимо прекрасному, онъ былъ прелестѣйшимъ эстетическимъ феноменомъ. Его «настроенія» — сущности, настроенія одного и же рода: столкновеніе чистой природы съ разочарованіемъ дѣйствительности; пресыщеніе дѣйствительности сонъ жизни, внезапно разбужденный ея физиологическихъ присоединеній. Отчего прекрасно? Отчего торія дамы съ собачкой, зародившися изъ залитомъ солнцемъ равнинъ уголокъ, вдругъ стала некрасивой? Почему около пугливыхъ сернистыхъ душъ Сои, Фессорши, Ани — какая то подмытая голова Серебрякова, перетрофимовской бороды и трагедіи «Ходовской некультурности»?

огда уходящая
рвнаго, не
сма, роковой
конца.
ти? чѣмъ утѣ-
сканіе красоты;
мъ какихъ то
, „невообрази-
рмъ. Если хо-
вь форму...
сканіе формы,
Чемъ форма

дѣлания»

Не высокомѣріе къ людамъ, а тоска по красотѣ — вотъ въ чѣмъ вся душа Чехова, особенно послѣднаго периода его жизни. У него нѣть мыслей аристократического превосходства, какую можно подмѣнить у Тургенева, который какъ будто всегда подчеркиваетъ, что онъ-то знаетъ, что красиво и въ чѣмъ красота. Чеховъ этого не знаетъ; едва-едва смутно

Чехова гложула. Голосами грязи „невообразимой красотѣ“ звучалъ какъ «掉落увшиі струны»...

«И въ торжествѣ красоты, въ линії счастія чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто стеснена знать, что она однокака, что бѣство ея и вдохновеніе гибнутъ въ романѣ для міра...» („Степь“).

Такой напряженно гложущей красотѣ «степью» была душа Чехова.

Новые формы чувствуетъ. Онь знаетъ, что некра-
новыхъ формъ, сива жизнь и пошла, скучна, про-
но", какъ гово- тивна ея физиология; что нужно от-
ля форма, какъ дохнуть въ лонъ наящнаго; что меч-
прогресса, по ты объ излщномъ—это все, чѣмъ
мысль о близ- красна жизнь. Но когда, гдѣ, какъ?
те, 22-го тор Черезъ триста-четыреста лѣть мо-
жетъ быть... И что тогда? Тогда
ельный образъ жизнь будетъ «навообразимо прекрас-
еству вся тоока ной», т.-е. такъ прекрасна, что сей-
емъ быть очвотъ чъсть и судить объ ней не смѣшь.

A black and white decorative illustration of a stylized flower with multiple petals and a central cluster of stamens. To the left of the main flower is a smaller bud or flower in its early stages of bloom.